

Федор Абрамов Франтик abramovfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

Федор Абрамов

Франтик

На Ладожском приволье у Крутовых я не был больше полугода, и вот первая новость – маленький рыжий песик, который звонко и яростно залаял на меня, едва мы с Мироном подошли к калитке.

– Да откуда у вас этот молодец? Как зовут?

– Франтик.

– Франтик? Это еще что за имя?

Мирон, явно собираясь с мыслями, закусил нижнюю губу, но ответить не успел: на крыльцо, добродушно улыбаясь, выкатил сам Захар Павлович – плотный, не по годам румянощекий, а вслед за ним шумно и крикливо, как цыганский табор, его сыновья, дочери, зятья, внуки...

Все они, начиная с хозяина и кончая самым малым ребятенком, были одеты по-рабочему – в ватники, в свитеры, в резиновые сапоги, и минут через двадцать в таком же облачении были и мы с Мироном.

Дачной жизни в общепринятом смысле – с прогулками, с картами, с лежкой на солнышке (а место позволяло – Ладога гуляла под боком) – у Крутовых не было. Все работали – от велика до мала. Весь день. Ибо работы было невпроворот. Четыре жилых сараюги, помимо брусчатого дома, постоянного обиталища Захара Павловича, стоят на участке Крутовых, и все они были собраны и сколочены без малейшей подмоги со стороны. А потом – огород, сад, заготовка дров и еще и еще всякие хлопоты и заботы.

Нынешний день ничем не отличался от предыдущих – с жадностью, прямо-таки с упоением нырнул я в крутовский котел жизни, так что про песика с поразившим меня именем и думать было некогда. Да он и сам больше не подавал голоса – быстро разобрался в характере моих отношений с хозяевами.

Вспомнился мне песик поздно вечером, когда мы с Мироном, садясь в электричку, вдруг увидели на пустынной платформе возле леса светловолосую девочку-школьницу с огромным, мрачного вида бульдогом, широкая грудь которого была сплошь увешана медалями.

– Ну так кто же у вас главный выдумщик по собачьим именам? – спросил я, когда платформа с бульдогом и девочкой осталась позади. – Кто окрестил так песика?

– Кто-кто... Все мы... – как-то неохотно и уклончиво буркнул Мирон.

– А всё же?

Мирон помялся, пожал своими широченными плечищами (богатырской кладки человек), потом цепким крутовским взглядом обвел пустой вагон и со вздохом сказал:

– Понимаешь, собачонка у нас когда-то такая была – Франтиком звали. Маленькая собачка, желтенькая, на лису похожа и очень смелая. Ну так вот эта собачка, можно сказать, нам, Крутовым, жизнь спасла...

Мирона не скоро раскачаешь, не скоро доберешься до его сердца – чистый каторжник, как в шутку говаривал про него Захар Павлович, имея в виду своего деда, сосланного когда-то в Сибирь за какое-то тяжкое преступление, чуть ли даже не за убийство человека, но в конце концов и он разговорился:

– Давняя это история. Мохом уже обросла. Мне тогда шесть лет было. Петру одиннадцать, Марфе пять, что ли, Ольге год, ну а Степана, как говорят, того еще и в проекте не было. Жили мы тогда в Новосибирске, на окраине, в глухом-глухом переулке, у оврага, рядом со свалкой. И вот, бывало, любимое занятие у нас, ребяташек, эта свалка. Роемся. Дети. Все интересно. Там стеклышко цветное, там какая-то баночка, там бутылочка... Всякой всячины полно. А то опять в индейцев играем: лопух да чертополох в овраге – как лес. Иной раз уползешь в этот самый лес, не знаешь, как и обратно выбраться. И вот как-то раз мы с Петром да Марфенькой ползаем в своем лесу, и вдруг на глаза собачонка, щенок. Сидит под лопухом одна одиншенька и ни с места. Ну, дети – известно: жалко. Понесли домой. А мама как увидела нашего найденыша – ни в какую. «Сейчас же несите обратно!» Мы с Марфенькой ушам своим не верим: да мама ли это наша? А мама у нас... Понимаешь, самый святой человек, ангел, залетевший на эту богом проклятую планету... Ладно, в другой раз! – резко оборвал свой рассказ Мирон.

Какое-то время мы ехали молча, сосредоточенно вглядываясь в мелькавшие за черным окошком дачные огни. А потом Мирон, может быть, еще больше растравленный своими воспоминаниями, чем я, заговорил опять:

– В общем, так, в тридцать пятом году дело было. Отец и мама тогда еще паспорта не имели. Жили, как говорится, на нелегальном положении.

– Постой-постой! Да ведь Захар Павлович – красный партизан. Советскую власть в

Сибири ставил...

– Ну и что! Ставил! – Мирон исподлобья, шумно дыша, глянул на меня, и вот когда, почудилось мне, не на шутку, а всерьез проступили в его закаменелом лице черты далекого прадеда. – Знаешь, какой сон отцу снится вот уже сорок два года? Крестьянский дом под железной крышей, с крашеными воротами, с лошадьми, коровами во дворе, с молодой хозяйкой, с детьми. Ну так это не сон, а наша быль. Среди ночи прискакал к отцу дружок из района: «Захар, запрягай своего Воронка, кидай в сани детишек да скачи что есть мочи, ежели жить хочешь. Раскулачивать тебя едут». Ну, отец, не раздумывал, не расспрашивал. Знал, какие дела кругом творятся. Воронка запряг, нас, спящих ребятишек, как котят, в сани, Марфеньку прямо с зыбкой вынес из дому – вывози, Воронко. Мама в передке, на вожжах, а сам с ружьем на заднике: лучше погибну, а живым не дамся. Отец у нас такой: терпит-терпит, мухи не обидит зря, но уж ежели несправедливость – берегись. В общем, спаслись Крутовы. Воронка на подъезде к городу бросили – просто загнали беднягу, – а сами и пошли мытарить по миру. Ты даже представить не можешь, где только мы не жили, куда только нас не заносило. Всю Сибирь изъездили, весь Казахстан, всю Киргизию, на всех стройках перебивали. На стройках проще. Там землекопы, чернорабочие нужны позарез – паспорта не спрашивают. Ну а жили мы... в землянках, в карьерах, в норах. Петр до двенадцати лет в школе не бывал. Отец сам и учил. А в селе родном в это время своей дом. Тепленький. На полном ходу. Мама до того торопилась, что сережки не успела в уши вдеть – так на столе и остались. И вот ничего – ни скотины, ни добра всякого, ни карточек семейных на стене, – ничего не жалела мама. А сережки жалела. Особенно в войну, когда отец на фронте был. Как вспомнит, так слезами и зальется. Отец эти сережки подарил маме, когда она в невестах ходила... Да, – неожиданно ухмыльнулся Мирон, – так вот пришлось бежать отцу из своего родного дома...

Прадед Мирона, тот самый каторжник, которого сослали в Сибирь за какое-то тяжкое преступление, перед смертью дал наказ сыну, то есть отцу Захара Павловича: «Живи как хочешь, Пашка. Ничего и никого не бойся. Все делай. Одного только не моги – закон переступать».

И отец Захара Павловича всю жизнь свято соблюдал этот наказ. До тех пор, пока его всенародно не выпороли шомполами колчаковцы.

Нет, нет, революционером дед не был – чего нет, того нет. И против колчаковского режима попервости не восставал. Власть. А раз власть – дело известное: сполняй приказы. И когда новая власть предписала дать хлеб для нее, слова не сказал – дал. А потом уж новая власть просто грабить стала. Раз закатывается в село отряд – подать столько-то денег чистым золотом, столько-то скота! Вот тут дед Павел и не выдержал: «Не по закону это, господа офицеры. Справедливость, она с двух сторон должна быть». «Ах вот как! Не по закону? Справедливости захотел, красная сволочь! Всыпать ему, чтобы он и слово это забыл».

И деду Павлу всыпали. Так всыпали, что домой замертво на руках принесли.

В ту же ночь, придя в себя, старик первым делом позвал сына: «Захар, садись на коня и скачи к красным. Там наша власть, а это бандиты».

Так Захар Павлович оказался в партизанском отряде, а когда отвоевался – руками и зубами вцепился в землю.

– Отец – хлебороб, понимаешь? Призвание у него такое. Посмотри, у нас на Ладого сад, огород – каждый вершок разделан. Ну а тут после гражданской войны сама Советская власть призывает, его родная власть: дай хлеб стране, крестьянин! Покажи, красный боец, как надо на трудовом фронте сражаться, стань культурным хозяином! Вот отец и стал. Другие – по старинке, как бог на душу положит, а он по науке. Журналы, книжки выписывает, с агрономами советуется. Ну и еще наша крутовская жадность и неумность. Я архитектор, к примеру... Когда незастроенный участок вижу, просто спать не могу. Все хочется что-нибудь поставить, соорудить. А отец... Отец сроду пустой земли терпеть не может. А в Сибири, сам знаешь, сколько этой земли. Вот отец и развернулся: в этом году десятину-две распашет, в следующем десятину... А с урожаем как? Уберешь с таких площадей один, с помощью жены, у которой малые дети? Одним словом, наемный труд. По закону, конечно. Был такой закон. А когда началась коллективизация – разговор короткий: эксплуататор чужого труда, форменный кулак...

Вагон мало-помалу стал наполняться дачным людом, шумной молодежью, запоздалыми грибниками с нарядными корзинами, прикрытыми сверху ветками осины и красной рябины. Напротив нас, через проход, уселась пожилая, старомодно одетая пара, но Мирон, обычно такой сдержанный и даже подозрительный, тут и глазом не повел.

– Ну вот, теперь ты знаешь нашу семейную тайну. Теперь понятно тебе, почему мама была против франтика. Какой там франтик, когда мы от всех скрываемся, специально в этой развалюхе у оврага поселились! Отец этим оврагом и из дому и домой приходил, чтобы лишних глаз к себе не привлекать. Да и мы, дети, знали. Я

про себя да про Петра не говорю: мы мужики, нам положено все понимать. Да у нас и пятилетняя Марфенька все понимала. Отец в жизни от нас ничего не скрывал. И мы от ребят ничего не скрываем. Наши жены – моя и Петра – сперва в ужасе были, когда мы при детях начинали выкладываться на всю катушку. Как можно? Это же вопреки всякой педагогике! Ничего, у ребят на щеках румянца не поубавилось от того, что мы эту педагогику побоку. В общем, умом-то мы понимали, почему нам нельзя иметь собачку. Но ведь одно дело ум, а другое – сердце, тем более что щенок ну прямо с мольбой на нас смотрит: дескать, не выгоняйте меня, что со мной будет? А тут как раз возвращается с работы отец: в чем дело? Ну, мама сказала. А отец смотрел-смотрел на нас, да и говорит: «Ладно, Лида, – это маме-то, – пускай остается. Авось все подобра будет». Вот так у нас и появился Франтик; отец, между прочим, и назвал его так – ладный такой, хорошенький щенок, – а месяцев через пять, через шесть и случилась беда. Мама как в воду глядела. Завелась у нас собачонка, все соседние ребятишки полезли к нам...

Мирон покосился на старичков-пенсионеров, сидевших напротив нас, – те, прижавшись головами друг к другу, уже беззаботно посапывали.

– Первый раз обошлось все благополучно. Нагрянули вечером, когда отец и мама случайно в сараюшке оказались, – увидели, как двое к крыльцу подошли и фонариком высвечивают. А второй раз он, Франтик, нас спас. Ценой собственной жизни... Отец и мама судьбу пытаться не стали – на завтра же ушли из дому, а нам сказали: ждите, заберем, когда устроимся. И вот мы ждем. Неделю ждем, вторую ждем. И вдруг однажды вечером, когда мы уже спать ложились, тихохонький стук в раму: мама. Не выдержала. Явилась проведать нас. Я как сейчас все помню. В пальтухе, поздней осенью дело было, а под пальтухой легонькое маркизетовое платьице без рукавов. И вообще мама у нас тоненькая была, как девочка, совсем-совсем не деревенская баба. Вошла. Плачет, обнимает, целует нас. И вдруг – Франтик. Во весь голос. А мы, когда мама в избу вошла, на улицу его выпихнули. Как будто беду предчувствовали. У отца в полу доска была на всякий случай отодрана, мама через эту доску в подполье, а мы скорей на то место постель разостлали. Лежим. Трое: Петр, я и Марфенька. А Франтик на улице надрыдается, из себя выходит. Потом слышим: тяв-тяв. Хрипит Франтик. Осень, подмерзло на улице – все слышно. Мы с Марфенькой: «Петя, Петя, стреляй! Наш Франтик, наш Франтик...» И вот Петя вскочил – ружье на стене висело. Та самая двустволка, которая сейчас у отца на стене висит. Единственная, между прочим, вещь, которая уцелела от нашего прошлого. Вскочил, ружье в руки и обратно повесил. Нельзя! Мы-то с Марфенькой малыши, а он-то, хоть и одиннадцать лет ему, за хозяина сейчас. За маму и за нас в ответе. Выстрелил он в них – что будет с мамой? Весь дом перетряхнут.

Мирон отвернулся. Крутовы не любят показывать свою слабость. А вокруг нас обычным чередом шла вагонная жизнь: шумно врывались на станциях новые пассажиры, орали в углу под гитару волосатые парни, и все так же трогательно и безмятежно посапывали напротив старички, прижавшись друг к другу.

Конец этой давней истории Мирон досказал коротко, сухо, в духе протокольного отчета.

Двое просидели у них в избе всю ночь. Спрашивали, выпытывали, где родители. Соблазняли конфетами. И всю ночь в одном маркизетовом безрукавном платьишке выстояла в ледяном подполье мать. После этого она уже не могла оправиться. Правда, в войну держалась. Работала, кормила детей. Но как только дождалась хозяина, слегла на второй день и больше уже не поднялась. Ну а Франтик... Франтика они нашли на завтра задушенным возле дровяного сарая...

Немного оттаял Мирон, когда электричка стала подходить к городу.

– Знакомые тогда нам помогли. У отца и теперь по всему Казахстану кунаки. Ночью нас тогда вывезли. На товарняке. Едем с какими-то чужими, нерусскими дядями в овчинах, в шубах. «Папа, мама... Папа... мама...» – только и умеют по-русски. Потом, не знаю, заснул я, что ли, шесть лет все-таки, или просто темень была, только помню – вдруг свет. И отец и мама. Я такой радости больше ни разу в жизни не испытывал. Стоят, оба улыбаются, и у обоих по щекам слезы. И еще я запомнил, как мы спать легли. Комнатка – мазанка какая-то, – тепло-тепло, и ни одной вещи вокруг, даже табуретки не было. Только солома на полу. Как на пасху. И вот отец лег на спину на эту солому – молодой, крепкий. Моложе меня тогда был. И мы легли. Мама с Марфенькой и с Ольгой с одного боку, а мы с Петром – с другого. А вместо подушек – папины руки. От стены до стены раскинул. На них, на эти раскинутые руки, мы и положили свои головы. И папа тогда сказал: «Ну, слава богу, опять мы вместе...»

Из вагона на ярко освещенный по случаю какого-то праздника перрон мы с Мироном вышли последними. В руке у меня полыхал большой будет красной рябины, которую собственноручно наломал для меня Захар Павлович. И такие же букеты полыхали в руках у многих людей.

Федор Абрамов Франтик abramovfyodor.ru

Я не люблю толпу. И когда я попадаю в ее цепкие объятия, у меня одно желание – как можно скорее выбраться на волю.

На сей раз я не спешил. На сей раз я с жадностью, с обостренным вниманием вглядывался в мелькавшие, прыгавшие вокруг меня лица. Вглядывался и думал: а у этого, у того, у той – у них в жизни какие были франтики?

И еще в эти минуты я думал: через какие беды, через какие испытания мы прошли, а живем да еще и миру светим.

1972–1981

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://abramovfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!